

Жизнь, ставшая легендой

28 Пруссаков В.
22 декабря—50 лет со дня смерти Н. А. Островского

Николай Островский терпеть не мог, когда его жалели. «Я совершенно здоровый парень, — часто говорил он друзьям. — А то, что у меня не двигаются руки и ноги и ни черта не вижу, — это какое-то недоразумение».

«Совершенно здоровый парень» почти десять лет прожил в полной неподвижности и слепоте...

Судьба безжалостно била Николая Островского. А он раз за разом упрямо бросал ей вызов, рвался на самый передний край своего бурного времени. Событий в его жизни, жизни совсем молодого человека, с лихвой хватило бы на несколько биографий. В 15 лет добровольцем ушел на гражданскую войну, дрался с белогвардейцами. Было тяжелейшее ранение. Госпитальная койка. Изнурительный труд в дождь и снег, с рассвета до заката на строительстве узкоколейки. Жестокий тиф, окончательно подорвавший здоровье. Вновь больницы, операции, долгие, мучительные годы безуспешного лечения. Инва-

ной комнаты писателя, где прошел последний год его 32-летней жизни.

Последний год жизни неизлечимо больного человека. При этих словах в воображении возникают печальная атмосфера в доме, запах лекарств, приглушенные голоса близких. А здесь все было по-другому: многолюдно, весело, шумно. Человек по натуре общительный и энергичный, Островский и в постигшем его несчастье не потерял вкуса к жизни. Он любил людей, любил споры, смех, музыку, пение. Редкий день в квартире по улице Горького не бывало гостей.

К тому времени был уже создан знаменитый автобиографический роман «Как закалялась сталь», принесший автору всенародную известность и любовь. Духовное мужество и стойкость Павки Корчагина сделали его любимым героем миллионов. К Островскому приходили молодые рабочие, писатели, артисты, художники.

В мае 1936 года украинские

книгу романа он успел закончить.

Соседняя комната, столовая, тоже стала мемориальной. Здесь работал «штаб» писателя, как он называл своих многочисленных друзей-помощников, готовивших рукописи к печати. За месяц до смерти Николая Алексеича, в ноябре, в этой комнате проходило специальное совещание президиума Союза писателей, на котором обсуждались «Рожденные бурей». Но публикации автор не дождался, как ни мечтал об этом: роман вышел через четыре дня после его смерти...

Одно из служебных помещений музея, куда я заглянул, было завалено листами ватмана, газетными вырезками, фотографиями. Как объяснила мне старший научный сотрудник Евгения Раппопорт, здесь готовилась выставка «Люди корчагинской судьбы» — о тех, которые, несмотря на постигшие их несчастья, сумели найти свое место в жизни и приносить пользу людям. Девиз

лидное кресло и полная слепота, ожидающие его впереди... «Физически потерял почти все, остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу», — писал он позже в автобиографии.

В декабре 1935 года его, уже совершенно ослепшего и парализованного, привезли из Сочи, где он лечился, в Москву. Сегодня здесь, в старинном доме на улице Горького, расположен Государственный музей Н. А. Островского.

Я стою у порога мемориаль-

комсомольцы избрали Н. А. Островского делегатом IX съезда. Отсюда, из этой комнаты, транслировалось по радио его выступление.

На музейной табличке комната Островского названа кабинетом. Здесь он продолжал много и напряженно работать: писал роман «Рожденные бурей». Сам держать карандаш в руке он не мог, текст под его диктовку печатали машинистки, иногда записывала жена Раиса. Здоровье катастрофически ухудшалось, он понимал, что жить осталось недолго, и работал не щадя себя. Первую

выставку — слова самого Н. А. Островского: «Жить тогда, когда жизнь становится невыносимой».

В фондохранилище бросается в глаза огромный — во всю стену — книжный шкаф. Все это — произведения Н. А. Островского. «Как закалялась сталь» — на арабском, китайском, финском, хинди, десятках других языков... Наверное, не осталось на земном шаре уголка, где бы не знали Павку Корчагина и его создателя и прототипа Николая Островского.

В. ПРУСАКОВ.
(АПН).